

Михайлов Борис
(художник)

26.04.03.

На фотографиях Бориса Михайлова — жесткие, некрасивые, но очень
человечные образы пожилых людей. Такими стариков не изображал еще никто

Незамыленный глаз

В Москве работают сразу две выставки Бориса Михайлова — одного из самых знаменитых наших фотографов. Последние годы Михайлов живет в Германии и у нас не выставлялся семь лет.
Известия — 2003 — 26 апр. — с. 13

Николай МОЛОК

У нас Михайлова ждали давно. К нам Михайлов приехал как звезда. Во-первых, он один из самых знаменитых на Западе наших художников — список музеев, в которых хранятся его работы, впечатляет: музей «Метрополитен» и Музей современного искусства (оба в Нью-Йорке), Музей Стеделик (Амстердам), «Кнассма» (Хельсинки), Европейский дом фотографии (Париж) и другие крупнейшие арт-центры. Так в мире не представлен ни один наш фотограф! Во-вторых, он очень востребован на международном арт-рынке — его работы появляются на всех крупных ярмарках и продаются очень успешно (цены — по нескольку тысяч за снимок). В-третьих, модные сейчас в Москве Братков, Чиликов, Бахарев, Савадов и другие фотографы и художники, работающие с документальной и социальной фотографией, — все они считают либо учениками, либо последователями Михайлова. О Михайлове у нас слышали (еще бы не слышать — в прошлом году, например, он представлял Россию на биенале в Сан-Паулу). Но самих его вещей почти не видели — знали по каталогам или по случайным и фрагментарным встречам на заграничных арт-фестивалях. И вот наконец увидели.

Сначала на «Арт Москве», где висит его серия Case History («Случаи из жизни»), посвященная бом-

жам. Потом в галерее XL, где показана его серия «Футбол». Михайлов прославился своими очень жесткими, депрессивными, подчас страшными, вызывающими «ощущение паники» (слова Ильи Кабакова) снимками, передающими реальность постсоветской жизни. Таковы бомжи из проекта Case History. Это не репортажная съемка (не то что он просто шел по улице, заметил валяющегося человека и тут же сфотографировал), а постановочная. Причем многие кадры сделаны на грани фола — например, эротические сцены. Серия резко отталкивающая, но на самом деле очень человечная.

«Футбол» — не столь жесткая, менее депрессивная серия. Но и она посвящена главному для Михайлова — старению и дряхлению человеческого тела и в конце концов бренности жизни, теме, традиционной для истории искусства. Здесь Михайлов, ничего не понимающий в футболе, не любящий его и почти не видевший его в реальности, как бы реконструировал игру — создал ее заново. Его футбол — это веселые, забавные, иногда опять же эротические сценки, снятые на берлинских лужайках. Он снимал самого себя, своего сына и праздных немцев. И проект вновь — как всегда у Михайлова — получился социальным: «Футбол для старого человека — это какая-то дурь, идиотизм. И в этих снимках тоже есть резкие вещи, связанные со старением, с женщинами, с желанием понять, что такое

немецкое», — сказал 65-летний фотограф в интервью «Известиям».

Герои Михайлова — будь то бомжи или «футболисты» — противопоставят моделям из новорусского гламура. При этом сам фотограф прекрасно понимает, что зритель (по крайней мере российский), каким бы умным и душевным ни был, все равно предпочтет гламур и пойдет на выставку полуголых красоток от Хельмута Ньютона. Ясное дело, пойдет! Впрочем, свое признание на родине, пусть для начала в профессиональной среде, он получил: на «Арт Москве» ему вручили премию корпорации General Satellite (единственную пока в нашей стране премию в области актуального искусства). С формулировкой — «за вклад в развитие современного российского искусства». А в следующем году, как удалось узнать корреспонденту «Известий», Московский дом фотографии готовит его большую ретроспективу.

Стар и млад. Борис Михайлов с сыном играют в «Футбол»

Борис МИХАЙЛОВ, фотограф, художник:

Я чувствую себя передвижником

— Вас и ваших последователей нередко упрекают в том, что вы создаете странный образ России — как страны бомжей, бандитов и бесчеловечных солдат. Правильно упрекают?

— Нет. Просто в советское время мы снимали нормальную жизнь среднего человека. Потому ситуация изменилась — в лучшую сторону для одних, в худшую — для других. Я не могу снимать новых русских и новую жизнь, потому что для этого нужно быть внутри этой новой жизни, а у меня туда нет доступа. Я снимаю то, что вижу. Сейчас в Москве я

опять вижу то же самое, что было и раньше. Я чувствую опасность, меня толкают, я держусь за карманы. И эти мои человеческие переживания, которые я ощущаю в метро, а не в такси, накапливаются, и потом они могут вылиться в какую-то новую серию. Если говорить о серии с бомжами — то это критический реализм. Я чувствую себя передвижником. Потому что страна находится в состоянии передвижничества, которое было и в 1860-е годы. Но этот критический реализм вообще-то непопулярен. Сейчас идут поиски не критических, а позитивных вещей.

— И все же именно вам была вручена премия. Как вы отнеслись к ней?

— Я считаю, что это дань уважения критическому направлению в искусстве, которое стоит поддерживать. И дань уважения успеху, которое это направление получило на Западе.

— А почему успех?

— Потому что оказалось, что там то же самое. Но у них были замылены глаза. А теперь они открыли для себя эту проблему. То есть то, что здесь воспринимается как образ России, там считается как их собственные проблемы.